

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ДОСУГ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В УДМУРТИИ В 1945–1948 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЛАГЕРЯ № 371)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-11-18002 а(р) «Иностранные военнопленные в Удмуртии (1941–1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание».

На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются некоторые стороны жизнедеятельности иностранных военнопленных на территории лагеря № 371 и г. Ижевска. Для исследования этой малоизученной страницы истории города и Удмуртии использованы также воспоминания очевидцев. Большое внимание уделено методам проведения антифашистской работы среди бывших военнопленных армий гитлеровского блока. Выявлены некоторые особенности взаимоотношений местного населения и пленных. Приводятся их высказывания и отзывы, раскрывающие отношение как к Ижевску, так и в целом к СССР. Анализируются причины негативных сторон жизни пленных в лагере. Приведенные данные свидетельствуют о том, что не для всех бывших военнопленных вражеских армий пребывание в советском плену являлось трагедией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Ижевск; военнопленные; лагерь; режим дня; нормы питания; антифашистская работа.

В настоящее время вопросы, связанные с историей Второй мировой войны, с достоверным освещением ее итогов и уроков, продолжают сохранять большую научную и общественную значимость. Укрепление связей между народами в сфере политики, экономики и культуры на основе взаимного доверия и уважения требует объективной оценки событий прошлого, особенно в вопросах, представляющих общий интерес. Проблема пребывания иностранных военнопленных в период Второй мировой войны и в первые годы после нее на территории СССР с начала 1990-х гг. стала предметом острых научных дискуссий. Повышенный интерес к данному вопросу был обусловлен его недостаточной изученностью, значительным объемом малоисследованных данных, нечасто подвергавшихся скрупулезному анализу. Существовало определенное несоответствие между уровнем разработанности проблемы и той заметной ролью в экономике и хозяйстве СССР, которую сыграли бывшие солдаты и офицеры из армий гитлеровского блока в 1941–1956 гг. Поэтому игнорировать эту тему невозможно, тем более что в советском плену находилось более 5 миллионов военнопленных из армий противника. Кроме немцев в это число были включены солдаты и офицеры из союзных фашистской Германии стран. С 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. советские войска захватили в плен 4 млн 377,3 тыс. человек различных национальностей из армий гитлеровского военного альянса [1. С. 33]. После безоговорочной капитуляции нацистской Германии эта цифра стала расти стремительно. Только в период с 9 по 14 мая 1945 г. в советский плен попали еще 1 млн 230 тыс. в основном немецких солдат и офицеров, включая 101 генерала [2. С. 693].

Разработка названной проблемы имеет не только научное, политическое, экономическое, но и гуманитарное значение. С одной стороны, после подписания межправительственных соглашений о воинских захоронениях стала более актуальной проблема розыска, сохранения и благоустройства могил иностранных военнопленных. Их родственники получили возможность выехать на места захоронений и поклониться праху своих близких, что определяет важность

предоставления достоверной информации. С другой стороны, этот фактор должен послужить стимулом для ответной реакции – улучшения отношения к могилам советских военнопленных, отдавших свою жизнь за освобождение стран Центральной Европы от фашизма. Решение указанных проблем, несомненно, будет способствовать укреплению гуманитарных связей и деловых контактов между народами и улучшению взаимоотношений государств, расположенных на западе и востоке Европы.

В истории Второй мировой войны, несмотря на то что с момента ее окончания прошло более 70 лет, еще достаточно много «белых пятен». Тема иностранных военнопленных периода Великой Отечественной войны, отчасти востребованная среди краеведов и публицистов, долгое время в силу закрытости архивных фондов не имела достаточного отражения в научной литературе.

Однако в последние десятилетия в данном направлении наблюдается определенный прогресс как в общероссийском масштабе, так и на уровне регионов. После 1990 г. данная проблема получила свое отражение в исследованиях В.Б. Конасова [3], С.И. Кузнецова [4]. Работу с пленными в тыловых районах рассмотрела И.В. Власова [5], взаимодействие советских политорганов с Национальным комитетом «Свободная Германия» – В.А. Всеволодов [6], деятельность Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР – И.В. Безбородова [7], трудовое использование военнопленных – С.Г. Сидоров [8], проблему уголовной ответственности гитлеровцев за военные преступления – А.Е. Елифанов [9], правовой статус пленных в годы Второй мировой войны – Т.А. Щелокаева [10]. Попытку изучить проблему правового регулирования военного плена в исторической ретроспективе предпринял А.А. Крупенников [11]. В течение последних 17 лет защищены кандидатские и докторские диссертации на материалах Среднего (Н.В. Суржикова) [12] и Южного Урала (Е.К. Рожкова) [13], Курской области (Ю.А. Ларичкина) [14], Европейского Севера (А.Л. Кузьминых) [15], Чувашии (Н.Б. Малясова) [16],

Западной Сибири (Н.М. Маркдорф) [17], Северного Кавказа и прилегающих к нему областей (Г.С. Оганян) [18]. Все эти работы полезны тем, что выявляют особенности содержания, медобслуживания и трудового использования военнопленных на указанных территориях СССР. Обобщающим исследованием, в определенной степени суммирующим и анализирующим данные по теме, является докторская диссертация А.Л. Кузьминых [19].

В историографии Удмуртии проблема военного плена затрагивалась в трудах Н.А. Родионова [20], А.А. Шепталина [21], в которых, в частности, выявлены география размещения спецконтингента, сферы использования труда военнопленных. Л.Л. Шубин и А.М. Шабардин [22] рассмотрели некоторые особенности медицинского обслуживания бывших военнопленных армий противника, находившихся в республике.

Основными источниками по теме жизнедеятельности военнопленных как в СССР, так и, в частности, в Удмуртии являются архивные документы. Их можно условно разделить на категории. К первой категории документов относятся источники, которые дают обобщенную и целостную информацию об особенностях пребывания плененных во многих районах Советского Союза, в том числе в Удмуртии. Такие архивные материалы находятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного военного архива (РГВА). Ко второй категории относятся материалы, выявляющие лишь отдельные стороны, отрывочные данные о пребывании плененных в республике. Эти документы содержатся, в том числе, и в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). В данном исследовании нашли применение, главным образом, данные из материалов первой категории, поскольку они позволяют наиболее полно и продуктивно осветить некоторые стороны повседневной жизни военнопленных в одном из лагерей, размещавшихся на территории республики. Причем большинство из этих архивных документов впервые введено в научный оборот, что содействует ликвидации одного из «белых пятен» как региональной, так и в целом отечественной истории.

Целью данной работы являются выявление и анализ особенностей пребывания бывших военнослужащих армий гитлеровского альянса в лагере № 371. Задачи исследования включают в себя реконструкцию некоторых сторон жизни иностранных военнопленных в этом пункте содержания спецконтингента, а также привлечение источников, раскрывающих самые различные виды их деятельности.

В основу исследования положен комплексный подход, в рамках которого интегрируются разные пути и приемы процесса реконструкции исторической реальности.

Использование комплексного подхода, включающего в себя различные научные методы, ориентировано на построение междисциплинарной картины объекта посредством синтеза нескольких отличных друг от друга предметов изучения относительно одного и того же объекта – военнопленных, содержащихся

в лагере № 371 в указанный период. Этот подход способен воспроизвести сложный, динамично развивающийся объект целиком, конкретно-исторически, во всем многообразии его реальных форм и взаимодействия с другими объектами как «полисистемный комплекс».

Метод анализа позволил выделить наиболее характерные и типичные черты пребывания военнопленных в лагере № 371. Синтезирование информации, полученной из различных источников, содействовало созданию целостной картины жизнедеятельности обезоруженных солдат и офицеров армий противника в этом пункте их содержания. Метод индукции способствовал формированию гипотез, выводов, проливающих свет на ранее малоизвестные или проблемные стороны функционирования системы военного плена в Удмуртии. Дедукция и внимательное изучение исторических источников позволили перейти от размытых и неясных общих утверждений к конкретным фактам, их подтверждающим, или, наоборот, опровергающим. Метод аналогии способствовал исследованию малоизученных сторон системы военного плена в Удмуртии на основе анализа этого феномена на общесоюзном уровне. Конкретизация позволила выявить отличительные признаки, которые помогают распознать характерные тенденции и закономерности развития системы содержания военнопленных на территории республики.

Историко-типологический метод способствовал выявлению особенностей жизни и трудовой деятельности бывших военнослужащих армий гитлеровского военного блока конкретно в лагере № 371. Историко-культурный метод нашел применение при анализе взаимоотношений лагерной администрации и населения УАССР со спецконтингентом, а также при рассмотрении процесса его адаптации к условиям содержания.

Описательный и документально-иллюстративный методы позволили детально реконструировать особенности организации, устройства и функционирования системы содержания бывших солдат, офицеров вермахта и других союзных ему армий в лагере № 371.

Текстологический метод помог извлечь новую информацию по теме исследования в процессе изучения и анализа рукописных или печатных документов – отчетов, переписки, созданных учреждениями, так или иначе связанными с системой содержания, медобслуживания и трудового использования обезоруженных солдат и офицеров армий противника.

Статистический метод на основе обработки цифровых данных таблиц, содержащихся в архивных документах, позволил прийти к полезным выводам, раскрывающим тенденции, закономерности процесса функционирования и развития лагеря № 371.

Несмотря на то что основной задачей иностранных военнопленных, содержащихся в СССР в период Великой Отечественной войны и в первые годы после нее, являлся труд на различных предприятиях, у них оставалось свободное время на отдых и досуг. Главным образом, это являлось результатом конкретно установленной длительности рабочего дня представителей спецконтингента, которая составляла 8 часов в сутки. Пленные имели право на четыре выходных дня

в месяц. Длительность ежедневного ночного отдыха была установлена в размере 8 часов. Все перечисленные нормы были зафиксированы в Приказе НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г. [23. Д. 658. Л. 252–253]. В целом по всем лагерям для военнопленных указанная длительность рабочего дня соблюдалась, а ее превышение или, что нередко случалось, сокращение были результатом, как правило, неудовлетворительной организации труда иностранцев или недостатка опыта их использования в некоторых отраслях промышленности.

Режим дня в лагерях для военнопленных в СССР был во многих случаях следующим: подъем – 7:00, утренний туалет – 7:00–7:25, построение – 7:25–8:00, завтрак – 8:00–9:00, рабочее время – 9:40–14:00, обед – 14:00–15:00, рабочее время – 15:00–19:40, ужин – 19:40–20:40, отдых и культурные развлечения – 20:40–22:30, сон – 23:00 [24. С. 77–78]. Таким образом, в среднем у пленных оставалось около двух часов свободного времени в сутки.

При этом надо отметить, что все военнопленные были разделены на 4 категории трудоспособности. Такая структура была предложена 17 июля 1942 г. Директивой УПВИ НКВД СССР № 28/7309 [25. Д. 205. Т. 14. Л. 129 об.]. В первую группу входили вполне здоровые пленные. Ко второй причислялись иностранцы, страдавшие неопасными для жизни болезнями. С апреля 1944 г. тем и другим предписывалось трудиться по 8 часов в день [26. Д. 715. Л. 160–161]. Военнопленные, причисленные к третьей и четвертой категориям (хронически больные или инвалиды), были задействованы на внутрилагерных работах в облегченном режиме или вообще не привлекались к труду. Поэтому свободного времени у представителей третьей и четвертой групп было еще больше, чем у тех, кто исполнял свои обязанности 8 часов в день.

В большинстве мест содержания представителей спецконтингента в обязательном порядке велась широкомасштабная и активная антифашистская работа. Ее главной составной частью были коллективные читки центральных советских газет (в особенности «Известий») с переводом, прессы, выпускаемой в СССР на языках народов Центральной Европы, а также митинги, лекции, беседы, обсуждения тем, доклады, политинформации в основном по внешнеполитическим проблемам. Большая роль отводилась показу документальных и художественных фильмов, регулярному выпуску пленными стенгазет. В каждом лагере или спецгоспитале прилагались значительные усилия для формирования среди военнопленных антифашистского актива. Его создание являлось обязательным условием существования любого пункта содержания спецконтингента. Одним из методов, способствовавших формированию такого актива, являлись антифашистские курсы для пленных. Иногда руководством лагерей организовывало для их участников экскурсии в те населенные пункты, в районе которых располагались места содержания спецконтингента. Второй составной частью антифашистской работы было вовлечение пленных в кружки по интересам, в спортивные соревнования, организацию и проведение концертов, спектаклей, конкурсов. Большая

роль отводилась лагерным библиотекам, чтению художественной и общественно-политической литературы на родном языке. Третьей частью антифашистской работы являлся сам труд на предприятиях, в строительстве и сельском хозяйстве, который, по мысли руководства лагерей для пленных, должен был способствовать их моральной перековке. Немаловажное значение имел субъективный фактор. Уровень антифашистской работы и интенсивность напрямую зависели от распорядительности, а также от организационных, интеллектуальных качеств начальников Управлений лагерей и их помощников. Поэтому ее размах и эффективность не были везде одинаковыми. Антифашистская работа, которую организовывало руководство лагерей, занимала большую часть досуга бывших военнослужащих вермахта и союзных ему армий.

Похожим образом обстояло дело в пунктах содержания спецконтингента, размещенных в Удмуртской АССР. Наиболее насыщенными и разнообразными были жизнь и досуг военнопленных, находившихся в лагере № 371. С 1945 по 1948 г. он дислоцировался в г. Ижевске. Пленные из этого лагеря трудились на местной ТЭЦ, в цехах металлургического завода (№ 71), на территории других промышленных предприятий, возводя производственные корпуса. Они работали также в системе треста № 51 Министерства вооружений СССР, участвовали в строительстве многих жилых домов и зданий городской инфраструктуры. За свой труд пленные получали зарплату, большую часть которой тратили по своему усмотрению в торговых точках города – в основном на рынке, а после отмены карточной системы в декабре 1947 г. и в магазинах.

В свободное от работы время Управлением лагеря для военнопленных № 371 организовывались конкурсы на лучшее отделение, роту, бригаду, пищевой блок. Таким образом, вводились элементы самоуправления, когда сами пленные наводили порядок у себя в бараках, столовых, хозяйственных помещениях. Например, подобное мероприятие состоялось весной 1947 г. Подводя итоги конкурса, начальник Управления лагеря подполковник Ф.М. Максимов отметил улучшение жилищно-бытовых условий и организации питания представителей спецконтингента. Для отличившихся в качестве поощрения были выделены дополнительные финансовые средства в сумме 1 300 руб. Эти деньги получили в качестве премии те пленные, которые лучше всего проявили себя при проведении конкурса.

Лагерь № 371 состоял из нескольких отделений. Крупнейшее из них – № 1, располагалось в заречной части Ижевска. Старшим этого отделения в мае 1947 г. был назначен пленный немец Шон. Из протокола заседания конкурсной комиссии, которая проинспектировала состояние бытовых условий жизни, можно узнать, что бывшие солдаты армий гитлеровского блока (в основном из Германии, Австрии, Румынии и Венгрии) размещались в бараках каркасного типа с общими нарами и койками. До проверки эти помещения были отремонтированы, проведена двукратная побелка и покраска, все пленные имели постельные принадлежности. Установив эти факты, комиссия

признала общее санитарное состояние бараков хорошим. В те же дни оценка «удовлетворительно» было поставлена отделению № 2, расположенному в северо-западной части Ижевска. Из протокола инспектирующей комиссии явствует, что здесь пленные помещались в бараках комнатного типа.

В лагере № 371 были организованы производственные мастерские, где сами пленные ремонтировали одежду, обувь, ботинки, шинели, френчи, брюки своих соотечественников. Один раз в неделю они ходили в баню, после мытья меняли белье. В каждом из двух крупнейших отделений работала парикмахерская [27. Д. 4. Л. 20–21 об., 29 об.].

Приказом НКВД СССР № 0172 от 27 июня 1945 г. был определен перечень лагерей, где разрешалось расконвоирование военнопленных. В этот список вошли два пункта содержания спецконтингента из Удмуртии, располагавшиеся в Увинском районе республики [28. Д. 748. Л. 85 об.]. Позднее расконвоирование произошло и в лагере № 371. Поэтому некоторые военнопленные передвигались по Ижевску без конвоя. Интересно отметить, что иногда они временно жили не в самом лагере, а в помещениях, снятых у местного населения. В частности, об этом свидетельствуют воспоминания Ф. Федосевой, ветерана труда, долгое время проработавшей на заводе № 74 (впоследствии ПО «Ижмаш») [29. С. 7].

Бывшие солдаты вражеских армий питались в лагере № 371 три раза в сутки. Обед состоял из двух блюд. Приготовление пищи на кухне второго отделения облегчало наличие электрической картофелеочистки [27. Д. 4. Л. 20–21 об.]. Овощи поступали в лагерь из подсобного хозяйства, земли для которого выделял пригородный колхоз «Новый путь крестьянина» [30. Д. 693. Л. 395].

12 ноября 1947 г. в МВД СССР была утверждена новая норма питания для пленных немецких солдат. Она предполагала выдачу в сутки на человека 600 г хлеба, 90 г муки, 30 г мяса, 100 г рыбы, 17 г сахара, 30 г соли, 600 г картофеля, 170 г квашеной капусты (кроме небольшого количества муки, макарон, сала, растительного масла, томатного пюре, суррогатного чая, перца, уксуса, моркови, свеклы, лука, а также 300 г хозяйственного мыла) [31. Д. 822. Л. 111]. Судя по воспоминаниям бывшего вольнонаемного сотрудника лагеря № 371 Л.А. Пантюхина, утвержденные в МВД СССР нормы питания выдавались пленным в полном объеме. Продукты получали на складе специальные работники из числа военнопленных. Они, учитывая всех представителей спецконтингента, рассчитывали, сколько полагается на каждого из них муки, картофеля, мяса и других продуктов. Все необходимое для утвержденных норм в наличии присутствовало. Не случалось таких инцидентов, когда продуктов не хватало, и поэтому пленным не дали положенного количества еды. Постоянно политотдел лагеря № 371 напоминал и требовал, чтобы соблюдалась Гаагская конвенция о военнопленных. Продукты завозились со склада на кухню. Поварами являлись лица из пленных. Они все знали о нормах питания и тоже старались их соблюдать [32. Д. 28. Л. 2–3].

Дополнительные продукты бывшие солдаты армий противника покупали на заработанные ими день-

ги в лагерном ларьке. Например, за февраль–апрель 1947 г. только во втором отделении пленным таким образом было продано картофеля – 1 500 кг, капусты – 6 026 кг, молока – 375 л, яиц – 200 шт., меда – 20 кг. В течение третьего квартала 1947 г. в ижевском лагере военнопленные купили в продуктовых ларьках 18 000 кг мясных изделий (колбаса, холодец, котлеты), что составляло в среднем на одного пленного в месяц от 2 до 3 кг дополнительного мясного продукта. При этом уместно отметить, что колбасные изделия можно было приобрести в лагере от 15 до 30 руб. за килограмм. О голоде пленных не было тогда и речи. Поэтому заработанные деньги являлись для них реальным стимулом к добросовестному труду.

В лагере были широко развернуты мероприятия, направленные на искоренение среди пленных нацистских и шовинистических взглядов. Судя по отчету его руководства, в третьем квартале 1946 г. в пункте содержания спецконтингента находились 888 антифашистски настроенных немцев, австрийцев, венгров и румын. Это составляло примерно 25% от общего количества контингента. Таким образом, можно определить, что в этот период в Ижевске содержалось около 3 550 военнопленных. При этом антифашистский актив составлял 303 человека [27. Д. 4. Л. 2 об.]. Многие из них занимали ключевые должности. Например, из имевшихся к марту 1947 г. 44 производственных бригад 39 возглавляли антифашистски настроенные пленные [Там же. Л. 4 об.].

В лагере № 371 в рамках антифашистской работы много внимания уделялось актуальным внешнеполитическим вопросам. В третьем квартале 1947 г. с участием пленных были проведены доклады и лекции со следующими названиями: «Советский Союз и общественное мнение за границей», «Современное политическое и хозяйственное положение Германии», «Земельная реформа в Венгрии», «Вступление в силу мирных договоров» и др. [Там же. Л. 25].

В лагере № 371 существовало немало кружков по интересам. Причем их тематика нередко определялась самими пленными. В частности, работали литературные, драматические, музыкальные, шахматные, спортивные, хоровые кружки. Многие пленные их регулярно посещали. Пользовались определенной популярностью кружки по изучению языков – русского, английского, французского. У немалой части пленных, лояльно настроенных к СССР, имелся довольно живой интерес к Советскому государству и его порядкам. Поэтому в лагере № 371 функционировало три кружка по изучению истории ВКП(б). По положению на начало 1947 г. их посещали 39 человек. Это немало, если учесть многолетнюю антисоветскую пропаганду в гитлеровском «рейхе», в вермахте, в румынской и венгерской армиях. Самыми посещаемыми к тому времени являлись кружки по изучению русского языка и драматические – 46 и 42 пленных соответственно. В результате активной досуговой деятельности уже в третьем квартале 1946 г. среди пленных было проведено три шахматных турнира. Два литературных кружка выпустили по журналу под названием «Календарь искусства». В них пленные знакомились с творчеством писателей-современников

и их произведениями. За указанный период в лагере было выпущено 26 газетных номеров и 9 журналов на немецком, венгерском и румынском языках [27. Д. 4. Л. 2–2 об., 10]. В них пленные отразили в основном производственную и бытовую стороны своей жизни. Однако они не ограничивались созданием только внутрилагерных газет и журналов. Наиболее активные и талантливые посылали свои статьи в антифашистскую прессу, выпускаемую на иностранных языках в Москве. Например, в газету «Игаз-цо», издаваемую на венгерском языке, пленные только за два месяца 1947 г. направили 5 статей и 6 карикатур [Там же. Л. 31].

В лагере были организованы комната отдыха, а также библиотека-читальня, в которой в третьем квартале 1946 г. имелось 347 книг и брошюр [Там же. Л. 2]. Такое небольшое количество печатных изданий, конечно, не удовлетворяло потребности спецконтингента. Впоследствии по просьбе руководства лагеря в его библиотеку завезли дополнительное количество литературы. К концу 1947 г. там насчитывалось уже 2 054 книги [Там же. Л. 39].

Во время своего досуга пленные организовывали концерты, даже ставили театральные пьесы, в том числе «Золотое сердце», «Матросы из Катара» и др. Интересно, что в спектаклях артисты-иностранцы использовали парики и грим, которые доставлялись из ижевского городского театра. По примеру многих лагерей для военнопленных был создан оркестр. Он состоял из 14 человек. Кроме того, пленные выпускали стенные газеты. В ижевском лагере проводились даже футбольные турниры, в которых участвовали 6 команд. В заречной части города проходили также матчи между коллективами первого и второго отделений [Там же. Л. 20 об.–21].

В 1945–1946 гг. в лагере № 371 существовали проблемы с демонстрацией пленным кинофильмов, связанные с отсутствием аппаратуры. Но впоследствии вопрос удалось решить. Во второй половине 1947 г. пленным были показаны фильмы «Волга-Волга», «Парень из тайги», «Тринадцать», «Бесприданница», «Сильва», «В долине жемчугов», «Где моя дочь?», «Побег с каторги», «В горах Югославии», «Мы вернемся», «Броненосец “Потемкин”», «Ленин в Октябре», «Золушка», а также немецкая трофейная картина «Девушка моей мечты». Демонстрировались и документальные киноленты: «Рим – открытый город», «Физкультурный парад 1947 года» и др. После сеансов среди пленных проводились обсуждения фильмов. Высказывались очень любопытные мысли, свидетельствующие о довольно высоком интеллектуальном уровне некоторых представителей спецконтингента, содержащихся в ижевском лагере. В одном из отчетных документов записано: «В дискуссиях по показанным фильмам военнопленные говорят: “Советские кинофильмы в отличие от других стран богаты содержанием, и очень хорошо то обстоятельство, что мало искусственности. Каждый фильм имеет свою целевую направленность и воспитывает в человеке хорошие качества”». Немецкий военнопленный Штаймайер отмечал во время обсуждения киноленты «Девушка моей мечты»: «Этот фильм имеет хорошее

оформление, но главное, что человеку нужно, это содержание, а оно отсутствует». В той же дискуссии пленный сравнил немецкую картину с фильмом «Волга-Волга», который тоже является комедией, но имеет целевую установку, чего нет в ленте «Девушка моей мечты» [27. Д. 4. Л. 2 об., 28, 36]. Со стороны, как говорится, виднее, и эти оценки советского киноискусства из уст бывших вражеских военнослужащих, иностранцев являются вполне объективными. Вряд ли здесь имеет место конформистская попытка приспособиться под идеологические условия лагеря. Для этого вышеприведенные высказывания являются слишком глубокомысленными и вдумчивыми.

В июле 1945 г. немецким, австрийским, венгерским и румынским военнопленным, содержащимся в СССР, было разрешено осуществлять переписку с родственниками, проживающими в странах Центральной Европы [33. Д. 727. Л. 170–173]. Не стал исключением и лагерь № 371. По материалам писем с родины выпускались специальные бюллетени. С их помощью пленные знакомились с политическим и социально-экономическим положением в своих странах, в оккупационных зонах Германии. Эти бюллетени читались с большим интересом. У пленных исчезало недоверие, которое они иногда испытывали к газетам, распространявшимся среди них [27. Д. 4. Л. 26].

Для бывших иностранных солдат, которые, по мнению руководства лагеря, зарекомендовали себя с наилучшей стороны, проводились экскурсии в г. Ижевск. В ноябре 1947 г. они посетили выставку, посвященную 30-летию Октябрьской революции. Кроме того, 21 декабря, в день выборов, были проведены экскурсии на избирательные участки города, где побывали 153 пленных. В конце 1947 г. 80 бывших вражеских военнослужащих посетили ижевские магазины. Кроме того, 140 военнопленных побывали на спектакле «Глубокие корни», поставленном в городском театре. В отчете руководства лагеря об антифашистской работе за последний квартал 1947 г. приведены отзывы об этих экскурсиях. Пленный Г. Конен заявил: «Посетив избирательные участки, я невольно вспомнил о лживой пропаганде на родине, где нам говорили, что во время выборов в СССР в каждой кабине стоят комиссары и под пистолетом заставляют голосовать только за коммунистов. На практике я убедился в обратном. Лично был в кабинетах, беседовал с избирателями, членами комиссии и всюду видел только радость и особое торжественное настроение избирателей». Венгерский военнопленный Л. Шиморай отметил: «Я не мог раньше поверить, не увидев товаров в ваших магазинах, в такое их изобилие, и думал, что после отмены карточек у Вас будут сплошные драки в магазинах. Я посетил магазин и убедился, что каждый имеет возможность купить все, что ему нужно без карточек, без всякого шума, и это меня крайне поразило». Пленный Калеват после посещения спектакля оставил такой отзыв: «Я не ожидал, что далеко от Москвы в таком маленьком городе имеется прекрасный театр и такие хорошие артистические силы. Этот театр по своему уюту и красоте не уступает... театрам в других странах» [Там же. Л. 36]. Надо отметить, что в экскурсиях участвовали в ос-

новном пленные из антифашистского актива, хорошо относившиеся к СССР. Отчасти поэтому большинство из них положительно отзывалось об увиденном.

На вышеуказанные оценки повлияло и то, что жители Ижевска в основной своей массе относились к военнопленным вполне терпимо. Данную тенденцию подтверждают воспоминания Л.А. Пантюхина, который привел в них любопытные свидетельства взаимоотношений бывших вражеских солдат и жителей города: «Русский народ очень сердобольный, особенно женщины. Их мужья погибли на фронте, были в плену. А они пленных жалели. Вот в магазин пленные придут купить хлеба [магазин находился в здании, где впоследствии размещалась столовая “Юбилейная”], так их без очереди пустят, им ведь не разрешено долго ходить. Отношения были хорошие. У молодых даже любовь завязывалась. Недалеко был клуб “Строитель”, так там оркестр играл лагерный, их отпускали выступать. Швейцарец пел прекрасно, у него голос был лирический. Он арию Ленского пел, а оркестр играл музыку танцевальную. Девушки со всего города приходили. Приходили наши ребята, которые тут служили, они знакомились. А в перерыве, когда один из музыкантов отдыхал, мог подойти, пригласить нашу девушку потанцевать. Это все было нормально...» [32. Д. 28. Л. 5–6]. Из этих слов можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев ижевчане и расконвоированные пленные, имевшие право без охраны передвигаться по городу, не только спокойно относились друг к другу, но и в некоторых случаях вполне дружелюбно. По словам местных старожилов, доходило даже до того, что после 1945 г. некоторые бывшие немецкие солдаты создавали свои семьи, добровольно оставаясь в Ижевске или уезжая в сельские населенные пункты Удмуртии [29. С. 6].

При этом, конечно, примерного поведения военнопленных и полного благополучия в лагере для них нельзя было ожидать. Широко развернутая воспитательная работа не всегда приводила к желаемым результатам. Например, немец И. Махула, несмотря на то, что окончил антифашистскую школу (курсы), выменивал за хлеб золотые кольца у соседей по бараку, был активным участником драк между пленными [27. Д. 4. Л. 27].

Время от времени случались и другие нарушения дисциплины и установленного порядка. Судя по отчету руководства лагеря № 371, в течение четвертого квартала 1947 г. был зафиксирован 1 случай профашистской агитации, 3 – пьянства, 1 – саботажа, 12 – скупки и перепродажи хлеба. В штрафной лагерь-взвод направлены 16 человек, предано суду Военного трибунала – 1, осуждено – 1. Простому аресту подвергнуты 93 пленных. Из этого числа большинство были наказаны за кражи личных вещей и хищения лагерного имущества [Там же. Л. 38].

Мелкое воровство являлось одной из труднопреодолимых проблем контингента лагеря № 371. Причем чаще всего пленные совершали кражи друг у друга, а иногда и на предприятиях, где трудились. За последние три месяца 1947 г. было зарегистрировано 76 случаев такого воровства [Там же. Л. 36 об.]. Долгое время военнопленные не несли за свои мелкие

кражи никакого наказания. Только тогда, когда воровство превратилось в серьезную проблему, Управление лагеря приняло меры для предотвращения подобных случаев и наказания виновных. Эти мелкие кражи приводили даже к забавным случаям и казусам. Как уже отмечалось выше, в 1947 г. специальной комиссией было проведено обследование санитарного состояния 2-го лагерного отделения, где старшим являлся военнопленный Зизик. В результате проверки почти у каждого бывшего солдата армий гитлеровского блока под матрацем были обнаружены куски железа, проволока, тряпки [27. Д. 4. Л. 21 об.].

Кроме того, пленные, задействованные на объектах с невысокой зарплатой, сбывали по дешевке обмундирование и постельные принадлежности вольнонаемным сотрудникам ижевских предприятий за деньги, хлеб и картофель. Например, немец Хеферт, трудившийся на кирпичном заводе, продал одному из рабочих новую телогрейку за 10 руб. и за небольшое количество картошки. Причем пленные сбывали таким образом не свою, а чужую одежду и другие вещи, украденные у своих же соседей по бараку [Там же. Л. 29]. Вышеупомянутые инциденты свидетельствуют о низком уровне взаимовыручки и коллективизма среди бывших военнослужащих вермахта, которые старались перенести все сложности плена в одиночку, иногда в ущерб своим же товарищам. По утверждению заместителя начальника по политической части лагеря № 371 майора Трухина, зафиксированному в одном из отчетных документов, все случаи перепродажи похищенных вещей и краж в третьем квартале 1947 г. оставались без наказания [Там же].

Насколько, с одной стороны, трудноразрешимой, а с другой – комичной оказалась проблема мелкого воровства, иллюстрирует случай с пленным Паишем. Однажды, после того, как его уличили в краже, он заявил: «Держите меня все время в карцере, тогда я воровать не буду» [Там же. Л. 36 об.]. Данный способ наказания применялся в лагере № 371 и за другие провинности. В конце 1947 г. трое расконвоированных пленных, включая военного врача Петерсона, находясь в городе, были замечены в чрезвычайно нетрезвом виде, за что были помещены в карцер на пять суток [Там же].

Помимо пьянства, мелких краж, продажи похищенного обмундирования и спекуляции хлебом в лагере случались и гораздо более серьезные инциденты. Так, в начале 1947 г. был зафиксирован один побег и три случая грубого оскорбления пленными сотрудников лагерной администрации [Там же. Л. 12].

Как известно, гитлеровские солдаты и офицеры, а также многие военнослужащие из армий стран-сателлитов принесли много горя, страданий и материального ущерба населению временно оккупированных ими территорий СССР, не говоря уже о неслыханном количестве красноармейцев, погибших в боях с фашистскими войсками. Поэтому не все советские граждане могли сдерживать свой гнев по отношению к пленным. Этот вполне объяснимый фактор сработал и в лагере № 371. 20 июня 1947 г. в заречной части Ижевска, на строительстве жилых домов в районе кирпичного завода военнопленные бригады Кирер

и Рамеш заявили начальнику конвоя о том, что им нужно вернуться и заполнить рабочие карты для работников своих бригад, поскольку при уходе их из лагеря учетчика на месте не оказалось. Просьба была удовлетворена. Когда через 12–15 минут эти двое вернулись, начальник конвоя в эмоциональной форме начал их упрекать в опоздании, снял с плеча автомат и стал целиться им в ноги. Потом завел пленных в уборную и произвел очередь из трех патронов в верх крыши. Но вскоре он все же взял себя в руки и повел иностранцев в лагерь. Утром 21 июня Кирер и Рамеш отказались выходить с этим конвойным на работу. Впоследствии они объяснили причину своего решения и рассказали о происшедшем. Началось расследование инцидента. Выяснилось, что конвойный в тот день был чем-то сильно расстроен и не смог контролировать свои действия. Руководство лагеря охарактеризовало этот случай как возмутительный. Было принято решение проводить регулярную разъяснительную работу среди сотрудников конвоя в целях недопущения в будущем подобного отношения к военнопленным [27. Д. 4. Л. 33–33 об.]. Упомянутый инцидент говорит также о том, что некоторые советские граждане считали обращение с бывшими солдатами армий гитлеровского блока, находящимися в СССР, слишком либеральным.

Проанализированные данные о жизнедеятельности иностранных военнопленных в лагере № 371, который являлся довольно типичным советским учреждением подобного рода, позволяют утверждать, что пункты пребывания представителей спецконтингента как в республике, так и в целом в СССР (в данном аспекте между региональной и общесоюзной тенденциями не существовало значительной разницы) кардинально отличались от нацистских концлагерей. По существу, советская структура содержания пленных и гитлеровская изошренная и бесчеловечная система умерщвления обезоруженных врагов – совершенно разные виды изоляции военнослужащих из армий противника. Нацистские концлагеря получили вполне справедливое наименование «фабрик смерти», основной функцией которых было физическое уничтожение представителей «неполноценных рас», пленных (особенно советских) или политических противников гитлеровского режима. Нацистам это было нужно для освобождения «жизненного пространства» от «лишнего» населения, а также для истребления врагов фашизма.

17 июля 1941 г. руководством IV отдела Главного управления имперской безопасности (гестапо) был издан приказ, который предусматривал убийство советских военнопленных, представлявших потенциальную угрозу для нацизма [34. С. 74]. Это распоряжение реализовывалось в полном объеме различными методами. Гитлеровцы принуждали советских военнопленных совершать многокилометровые пешие переходы без отдыха и еды, размещали в лагерях под открытым небом. Местному населению запрещалось передавать пленным продукты питания. Все это приводило к многочисленным смертям от голода, холода и болезней. Советские военнопленные не имели никакой возможности даже через Красный Крест отправ-

лять на родину и получать оттуда открытки, письма и, тем более, посылки [34. С. 75]. Довольно часто узники фашистских концлагерей подвергались бесчеловечным медицинским опытам, исход которых в абсолютном большинстве случаев был смертельным. Эсэсовцы уничтожили немалое количество советских военнопленных после использования их труда на строительстве секретных объектов «рейха», в том числе ставки Гитлера под Винницей. Нацисты беспощадно и цинично истребляли всех посторонних свидетелей их тайных мероприятий. Нередкими были случаи сожжения в крематориях живых узников концлагерей.

Главными целями руководства ГУПВИ НКВД СССР являлись не убийство военнопленных различными методами, а их изоляция, создание удовлетворительных условий для жизни представителей спецконтингента, максимальное использование труда этих иностранцев в промышленности, строительстве и даже в сельском хозяйстве, а также полномасштабная реализация антифашистских мероприятий в пунктах содержания обезоруженных военнослужащих армий противника. В советских лагерях их руководством не реализовывались расистские или националистические теории, там не было крематориев, газовых камер, «душегубок». Над военнопленными не проводились медицинские опыты. Жизнь в Удмуртии в частности и в советском плену в целом не являлась для бывших солдат и офицеров вермахта и союзных ему армий сплошным ужасом или адом, как это часто было в гитлеровских «фабриках смерти». Поэтому нельзя отождествлять советские пункты содержания пленных и нацистские концлагеря.

Очевидная разница в планах по отношению к пленным и мерах, которые к ним применялись, вполне закономерно отразилась на результатах их содержания. Из общей численности обезоруженных солдат и офицеров армий гитлеровского блока, содержащихся в СССР, умерли 15% человек. Причем большинство из них ушли из жизни в результате запущенных и поэтому трудноизлечимых заболеваний, приобретенных еще на фронте, в окопах. Число погибших пленных, находившихся в нацистской Германии, достигло 57% [1. С. 34]. По данным исследователя А.Л. Кузьминых, смертность бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока, трудившихся в СССР, была почти в 6 раз ниже аналогичного показателя в отношении советских военнопленных, оказавшихся в гитлеровских концлагерях. На региональном уровне цифры не менее показательны. В пунктах содержания спецконтингента, расположенных на Европейском Севере СССР, умер каждый десятый бывший солдат или офицер армий гитлеровского военного блока [15. С. 251]. В то же время известно, что в фашистских концлагерях и за их пределами в Германии и других оккупированных ею странах погибло свыше половины общего количества советских военнопленных [34. С. 75]. Это более, чем каждый второй.

Исходя из вышеизложенного, советский пункт содержания спецконтингента нельзя называть «концлагерем». Необходимо также учитывать, что этот термин давно потерял изначально нейтральную окраску и теперь воспринимается всеми только сугубо нега-

тивно – как место намеренного, массового убийства узников с помощью изуверских методов, поэтому как определение лагеря ГУПВИ НКВД (МВД) СССР он не может быть использован. Проведенное исследование восполняет некоторые пробелы научного знания об иностранных пленниках, находившихся в Удмуртии и Советском Союзе. В частности, оно включает в себя малоизвестные данные об условиях их жизни в одном из крупнейших лагерей, продовольственном снабжении, антифашистской работе, досуге бывших солдат и офицеров армий противника, их взаимоотношениях с гражданским населением, правонарушениях, совершенных представителями спецконтингента.

Жизнь пленных в лагере № 371 превзошла ожидания некоторых из них. Достаточно терпимые условия содержания, трехразовое питание, наличие собственных заработанных денег и свободного времени, заполняемого в том числе различной деятельностью по интересам, возможность без конвоя передвигаться по населенному пункту, благожелательность части его населения входили в серьезное противоречие с геббельсовской пропагандой. На этой почве разрушалось нарисованное гитлеровцами представление «об ужасах русского плена». Поэтому антифашистская работа среди обезоруженных вражеских солдат и офицеров, даже несмотря на проблемы, возникавшие в ходе ее развертывания, приносила руководству лагеря ощутимые плоды. Факты наличия добровольно оставшихся в Удмуртии бывших военнослужащих вермахта говорят не только о том, что нахождение в плену не являлось для них каким-то кошмарным событием, но и свидетельствуют о признании ими правоты антифашистских взглядов тех, кто освободил Европу от «коричневой чумы». Благодаря неплохой организации бытовых условий, различных мероприятий и насыщенной общественно-политической жизни в лагере № 371, некоторые представители его контингента, даже спустя многие десятилетия, вспоминали о тех годах, проведенных в Ижевске, как это ни удивительно, с ностальгией [35. С. 55].

Приведенные в исследовании данные о лагере № 371 позволяют утверждать, что он являлся во многом типичным и достаточно благополучным пунктом содержания военнопленных в Советском Союзе того времени. Первое качество этого места пребывания спецконтингента позволяет представить условия содержания бывших иностранных солдат и в других

подобных учреждениях, располагавшихся в республике. Одной из причин его относительного благополучия является то, что с пленными работали специалисты, которые имели уже значительный опыт в этом деле, накопленный в лагерях № 75 и 155, возникших в Удмуртии в первые военные годы. При всей своей типичности ижевский пункт содержания спецконтингента имел и особенности. Одной из них являлось стремление его руководства точно и неуклонно соблюдать указания ГУПВИ НКВД СССР в отношении пленных. Подтверждается этот вывод, в частности, тем, что нормы питания бывших вражеских военнослужащих почти всегда соответствовали показателям, утвержденным на общесоюзном уровне.

Ижевский пункт содержания спецконтингента отличался также большим разнообразием досуговых мероприятий для пленных – от кружков по интересам до футбольных матчей и экскурсий в город. Военнопленные из лагеря № 371, особенно немцы, выделялись низким уровнем коллективизма, взаимовыручки, а также склонностью к мелким кражам как внутри пункта содержания, так и за его пределами. Изжить эти недостатки так и не удалось. Еще одной особенностью данного лагеря военнопленных являлось то, что большинство из них было задействовано на предприятиях Наркомата (Министерства) вооружений СССР, функционирующих в г. Ижевске.

На положении представителей спецконтингента отрицательно сказывались элементы нераспорядительности, иногда встречавшейся неудовлетворительной организации их условий жизни и труда. Некоторые бывшие солдаты армий гитлеровского блока оказывались жертвами вполне объяснимой ненависти тех советских граждан, которых серьезно затронули военные преступления гитлеровцев или их союзников. Необходимо учитывать неоднородность и разношерстность состава лагеря № 371. Не все пленные адекватно воспринимали мероприятия в рамках антифашистской работы. Поэтому возникали многочисленные случаи воровства, а также иногда саботажа, пронацистской агитации, оскорбления представителей администрации лагеря и даже побегов. На примере лагеря № 371 можно констатировать, что советский плен являлся трагедией главным образом для тех, кто не хотел освободиться от нацистских взглядов, не желал «работать на русских» или пытался улучшить свое материальное положение за счет товарищей по бараку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. 1996. № 3.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3.
3. Конасов В.Б. Гриф секретности снят: к истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991.
4. Кузнецов С.И. Японские военнопленные после Второй мировой войны. 1945–1956 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.
5. Власова И.В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
6. Всеволодов В.А. «Срок хранения постоянно!» (Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД СССР № 27). М., 2003.
7. Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
8. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.
9. Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.
10. Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

11. Крупенников А.А. Тяжкая ноша плена. М., 2001.
12. Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале, 1942–1956 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.
13. Рожкова Е.К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.
14. Ларичкина Ю.А. Иностранные военнопленные на территории Курской области: 1943–1950 : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006.
15. Кузьминых А.Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939–1949 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2003.
16. Малясова Н.Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.): состав, размещение и трудовое использование : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012.
17. Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012.
18. Оганян Г.С. Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943–1953 гг. (на примерах южных российских регионов) : дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2007.
19. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014.
20. Родионов Н.А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск, 2015.
21. Шепталин А.А. Немцы в Удмуртии (Историко-демографические очерки). Ижевск, 1993.
22. Шубин Л.Л., Шабардин А.М. История работы эвакогоспиталя для военнопленных в г. Можга // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407.
23. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 658.
24. Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10.
25. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 205. Т. 14.
26. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 715.
27. Российский государственный военный архив. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4.
28. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 748.
29. Федосеева Ф. В окна и двери стучалась война // Машиностроитель. 2001. № 15. 26 апр.
30. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 693.
31. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 822.
32. ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 28.
33. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 727.
34. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. М., 1990. Т. 4.
35. Перовщиков Д.В. Военнопленные в Приуралье. 1941–1949 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2017 г.

EVERYDAY LIFE AND LEISURE OF FOREIGN POWS IN UDMURTIA DURING 1945–1948 (A CASE STUDY OF CAMP 371)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 132–141.

DOI: 10.17223/15617793/417/19

Dmitry V. Perevoshchikov, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: dmitryzh76@mail.ru

Keywords: Great Patriotic War; Izhevsk; prisoners of war (PoWs); camp; day regulations; norms of feeding; antifascist measures.

The paper describes some aspects of foreign PoWs' stay in Camp 371 in Izhevsk based on archival documents that are first introduced to the academia. The reminiscences of eye-witnesses are used for the research of the little known historical issue of Izhevsk and Udmurtia. The author enumerates the methods of antifascist measures in the camp. Some features of relations of the local population and PoWs are revealed. The paper contains opinions of PoWs disclosing their attitude to Izhevsk and the USSR. It discusses the issue of the food supply of PoWs in Camp 371. Their leisure is described: it consisted in visiting circles on different subjects, reading books and newspapers in their native language, watching movies, participating in sports competitions and even going on excursions in Izhevsk. The paper analyzes the negative features in the everyday life of foreign PoWs in Camp 371. The biggest problem of former soldiers and officers of Hitler's military alliance was petty thefts. The PoWs often stole different things from each other. They had a low level of mutual understanding and collectivism and tried to suffer the difficulties of captivity alone, sometimes with a damage to other PoWs. The former soldiers and officers of Hitler's military alliance who lived and worked in Izhevsk got hot food three times a day, received wages, had four free days a month and 2–3 hours of leisure a day. The duration of the PoWs' working day in most cases was 8 hours. Many PoWs who stayed in Udmurtia and in the USSR had a permit to move within a populated area without a convoy. With the money earned they bought food and goods at markets and in shops; they often took goods home during repatriation. The cases of PoWs who voluntarily stayed in Udmurtia and started families show the absence of tendencies in the Soviet captivity and the recognition by former PoWs of the truth of men who liberated Europe from fascism. Many decades later, some former representatives of the special contingent recollected years in Udmurtia with a nostalgia because PoW camps had satisfactory conditions for life, leisure and public political activities. The data in the paper show that the everyday life and leisure of foreign PoWs in Camp 371 was busy and diverse. The research assists in the elimination of the ample "gap" in the regional and Soviet history.

REFERENCES

1. Gurkin, V.V. & Kruglov, A.I. (1996) Krovavaya rasplata agressora [Bloody payment of the aggressor]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 3.
2. Mayorov, S. (ed.) (1947) *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoy voyny* [Foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War]. Vol. 3. Moscow: Gos. izd. polit. lit-ry.
3. Konasov, V.B. (1991) *Grif sekretnosti snyat: k istorii nemetskiikh voennoplennykh v SSSR* [The classification of secrecy is removed: on the history of German prisoners of war in the USSR]. Vologda: Vologda Institute of Teachers' Advanced Training.
4. Kuznetsov, S.I. (1995) *Yaponskie voennoplennyye posle Vtoroy mirovoy voyny. 1945–1956 gg.* [Japanese prisoners of war after World War II. 1945–1956]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
5. Vlasova, I.V. (1994) *Rabota s voennoplennymi v tylovyykh rayonakh sovetskiikh frontov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Work with prisoners of war in the rear areas of the Soviet fronts during the Great Patriotic War]. History Cand. Diss. Moscow.

6. Vsevolodov, V.A. (2003) "Srok khraneniya postoyanno!" (Kratkaya istoriya lagerya voennoplennykh i internirovannykh UPVI NKVD SSSR № 27) ["The period of storage is constant!" (A brief history of the camp of prisoners of war and internees of the Prisoner of War Command of the USSR NKVD No. 27)]. Moscow: Mosk. izd. dom.
7. Bezborodova, I.V. (1997) *Upravlenie po delam voennoplennykh i internirovannykh NKVD-MVD SSSR (1939–1953 gg.)* [Office for prisoners of war and internees of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR (1939–1953)]. History Cand. Diss. Moscow.
8. Sidorov, S.G. (2001) *Trud voennoplennykh v SSSR v 1939–1956 gg.* [The work of prisoners of war in the USSR in 1939–1956]. Volgograd: Volgograd State University.
9. Epifanov, A.E. (1997) *Otvetstvennost' gitlerovskikh voennykh prestupnikov i ikh posobnikov v SSSR (istoriko-pravovoy aspekt)* [The responsibility of Hitler's war criminals and their accomplices in the USSR (historical and legal aspect)]. Volgograd: Volgograd Law Institute.
10. Shchelokaeva, T.A. (2000) *Pravovoy status inostrannykh voennoplennykh v SSSR (1939–1956 gg.)* [The legal status of foreign prisoners of war in the USSR (1939–1956)]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
11. Krupennikov, A.A. (2001) *Tyazhkaya nosha plena* [The heavy burden of captivity]. Moscow: Reyttar'.
12. Surzhikova, N.V. (2001) *Inostrannye voennoplennyye Vtoroy mirovoy voyny na Srednem Urale, 1942–1956 gg.* [Foreign prisoners of war of the Second World War in the Middle Urals, 1942–1956]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
13. Rozhkova, E.K. (2002) *Inostrannye voennoplennyye i internirovannyye na Yuzhnom Urale v 1943–1950 gg.* [Foreign prisoners of war and internees in the South Urals in 1943–1950]. History Cand. Diss. Orenburg.
14. Larichkina, Yu.A. (2006) *Inostrannye voennoplennyye na territorii Kurskoy oblasti: 1943–1950* [Foreign prisoners of war in Kursk Oblast: 1943–1950]. History Cand. Diss. Kursk.
15. Kuz'minykh, A.L. (2003) *Polozhenie inostrannykh voennoplennykh na Evropeyskom Severe: 1939–1949 gg.* [The situation of foreign prisoners of war in the European North: 1939–1949]. History Cand. Diss. Vologda.
16. Malyasova, N.B. (2012) *Voennoplennyye i internirovannyye Vtoroy mirovoy voyny na territorii Chuvashskoy ASSR (1942–1949 gg.): sostav, razmeshchenie i trudovoe ispol'zovanie* [Prisoners of war and internees of the Second World War in the territory of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic (1942–1949): composition, placement and employment]. History Cand. Diss. Cheboksary.
17. Markdorf, N.M. (2012) *Inostrannye voennoplennyye i internirovannyye v Zapadnoy Sibiri* [Foreign prisoners of war and internees in Western Siberia]. History Dr. Diss. Novosibirsk.
18. Oganyan, G.S. (2007) *Trudovoe ispol'zovanie voennoplennykh i internirovannykh inostrannykh grazhdan v SSSR: 1943–1953 gg. (na primerakh yuzhnykh rossiyskikh regionov)* [The employment of prisoners of war and interned foreign citizens in the USSR: 1943–1953 (on examples of southern Russian regions)]. History Cand. Diss. Pyatigorsk.
19. Kuz'minykh, A.L. (2014) *Sistema voennogo plena i internirovaniya v SSSR: genesis, funktsionirovanie, lagernyy opyt (1939–1956 gg.)* [The system of military captivity and internment in the USSR: genesis, functioning, camp experience (1939–1956)]. History Dr. Diss. Arkhangelsk.
20. Rodionov, N.A. (2015) *Udmurtskaya respublika. Put' k Pobede 1945 goda* [Udmurt republic. Way to the Victory of 1945]. Izhevsk: UIHLL UB RAS.
21. Sheptalin, A.A. (1993) *Nemtsy v Udmurtii (Istoriko-demograficheskie ocherki)* [The Germans in Udmurtia (Historical and demographic essays)]. Izhevsk: [s.n.].
22. Shubin, L.L. & Shabardin, A.M. (2016) The history of the work of the evacuation hospital for prisoners of war in the city of Mozhga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 174–178. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/407/27
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 658. (In Russian).
24. Rzhesheskiy, O. & Ivanitskiy, G. (1978) Pravda i lozh' o zhizni nemetskikh voennoplennykh v SSSR [The truth and lies about the life of German prisoners of war in the USSR]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 10.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 2. File 205. Vol. 14. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 715. (In Russian).
27. Russian State Military Archive. Fund 55p. List 3. File 4. (In Russian).
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 748. (In Russian).
29. Fedoseeva, F. (2001) V okna i dveri stuchalas' voyna [The war was knocking at the windows and doors]. *Mashinostroitel'*. 15. 26 April.
30. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-551. List 2. File 693. (In Russian).
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 822. (In Russian).
32. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-1862. List 1. File 28. (In Russian).
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 727. (In Russian).
34. Rekunkov, A. (ed.) (1990) *Nyurnbergskiy protsess: sb. materialov: v 8 t.* [The Nuremberg Trials: Materials: in 8 vols]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
35. Perevoshchikov, D.V. (2011) Voennoplennyye v Priural'e. 1941–1949 gg. [Prisoners of war in the Urals. 1941–1949]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 3.

Received: 23 March 2017